

**РЕЦЕНЗИИ. ПОЛЕМИКА.
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**

Н. Б. Маньковская

ДРЕВНОСТЬ КАК ФУНДАМЕНТ СОВРЕМЕННОСТИ
(к 70-летию В. В. Бычкова)

Когда сегодня интеллектуалы 1970–1980-х годов, не специалисты в области эстетики, слышат фамилию Бычкова, то в первую очередь им на ум приходит словосочетание «византийская эстетика». Да, первая книга В. В. Бычкова «Византийская эстетика» (1977) сразу сделала его известным в кругах отечественной, а несколько позже и зарубежной гуманитарной общественности. Настолько она была уникальна, не похожа ни на какие другие исследования в науках, занимавшихся близкой проблематикой, ни в нашей стране, ни за рубежом. На сегодня В. В. Бычковым опубликовано в разных странах мира более 500 научных работ, и среди них 33 монографии по многим проблемам истории и теории эстетики, но неспециалистам он известен, прежде всего, по первой своей книге. И это не случайно. Уже в этой монографии он начал открывать такие пространства в истории культуры, которые до него практически не были изучены. Уже там, помимо впечатляющей эрудиции, особых аналитических способностей и приверженности эстетическому опыту, он показал себя первооткрывателем большой области гуманитаристики, в которой исторические штудии теснейшим образом переплетались с самой современной эстетической методологией и проблематикой. В истории эстетики он открыл целую страну, дотоле почти неизвестную, а к этой истории подошел со своей глубоко продуманной теорией эстетики. Уникальность его как исследователя заключается в том, что фундаментально изучая средневековую эстетику, в основном патристическую, византийскую, древнерусскую, он проверял на ней методы современной эстетики как науки и видел в древнем сознании мощный фундамент и опору для развития современных теоретических изысканий. Теория и история у него всегда активно помогают друг другу, высвечивают какие-то особые пласты, которые вне этой связи ускользают от внимания исследователя.

Говоря об уникальном пространстве в эстетике, открытом Бычковым, я не рассыпаюсь в комплиментах перед юбиляром, но констатирую хорошо известный в кругах интеллектуальной элиты факт. Новообретенную эстетическую страну Бычков условно называет *православной эстетикой*, имея в виду не узко конфессиональную богословскую эстетику, но практически всю эстетику стран православного ареала, за исключением России XIX–XX в. Здесь он действительно ограничивает пространство своих исследований только религиозно ориентированной эстетикой, так как вся остальная, т. е. философская и литературная, эстетика этого периода была уже относительно неплохо изучена до него.

С идеями и первыми наметками по этой теме Бычков пришел еще в очную аспирантуру философского факультета МГУ в 1969 г. Уже в кандидатской диссертации «Взаимосвязь

философского, религиозного и эстетического в восточно-христианском искусстве» (защитил в 1972 г.) он поставил ряд проблем, решением которых систематически занимался затем на протяжении более сорока лет, и, насколько нам известно, продолжает эти исследования и поныне.

В период обучения в аспирантуре Бычков активно изучал древние языки на кафедре классической филологии (ее возглавляла тогда профессор А. А. Тахо-Годи), историю искусства на истфаке, самостоятельно занимался византистикой, богословием, историей Церкви. Тогда же Аза Алибековна ввела его в свой дом и познакомила с А. Ф. Лосевым, которого Бычков уже заочно, по его работам почитал за одного из своих учителей. Регулярные встречи с патриархом нашей эстетики на протяжении 18 лет много дали молодому ученому. Они же утвердили его в намерении проработать историю становления и развития православной эстетики от Поздней Античности до XX в. — «от Филона до Флоренского», как озаглавит позднее сам Бычков Введение к изданию промежуточной итоговой книги по этой теме¹.

Первые фундаментальные статьи Быčkoва по этой проблематике стали регулярно появляться с 1973 г. в признанных на международном уровне академических изданиях — «Византийском временнике» и «Вестнике древней истории»². Они сразу принесли ему известность как серьезному исследователю, имеющему что сказать в сфере, до него мало кем и очень фрагментарно изучавшейся. Выход в 1977 г. книги «Византийская эстетика. Теоретические проблемы»³ окончательно убедил научный мир гуманитариев, что в его рядах прибыло. Крупные античники, византилисты, руссисы с уважением отнеслись к молодому ученому и всячески поддерживали его. Работы Быčkoва получили известность на Западе. Его стали приглашать на международные конгрессы, для чтения лекций и докладов, начали публиковать статьи. Понятно, что в это время далеко не все из этого мог осуществить советский философ, работавший с 1972 г. (и по настоящее время) в Институте философии АН СССР (теперь РАН). Однако многое удавалось. Научная карьера его складывалась на редкость удачно. В институте он последовательно прошел все ступени служебной лестницы от младшего научного сотрудника до главного и зав. сектором эстетики, защитил докторскую диссертацию на тему «Эстетические идеи патристики» (1982), получил звание профессора, удостоен звания лауреата Государственной премии РФ за исследования в области византийской эстетики и культуры (1996).

Итак, пространство православной эстетики. Исследователь выделил в нем четыре главных историко-типологических этапа: *Патристическую эстетику*, *Византийскую эстетику*, *Древнерусскую эстетику* и *Русскую теургическую эстетику*. Изучение каждого из этих этапов сопровождалось публикацией многих научных статей и завершалось изданием фундаментальных монографий, насчитывающих десятки авторских листов. Всем корпусом своих исследований автор показывает, что целостность этого практически двухтысячелетнего, огромного территориально эстетического пространства осуществлялась за счет единой религии — православия и главных языков этой религии — греческого и церковнославянского. Основная методологическая трудность работы с этим пространством заключается в том, что, несмотря на высокую развитость эстетического опыта и художественной культуры, в нем не было написано практически ни одного специально эстетического текста, за исключением двух-трех небольших в XX в. Почти двухтысячелетняя православная эстетика — это имплицитная эстетика. Чтобы более или менее адекватно реконструировать ее, необходимо было изучить практически

¹ Бычков В. В. 2000 лет христианской культуры *sub specie aethetica*. М.; СПб., 1999. Т. 1. Раннее христианство. Византия. Т. 2. Славянский мир. Древняя Русь. Россия.

² Бычков В. В. Образ как категория византийской эстетики // ВВ. М., 1973. Т. 34. С. 151–168; *Его же*. Эстетика Филона Александрийского // Вестник древней истории. 1975. № 3 (133). С. 58–79; *Его же*. Из истории византийской эстетики // ВВ. М., 1976. Т. 37. С. 160–191; *Его же*. Эстетические взгляды Климента Александрийского // Вестник древней истории. 1977. № 3 (141). С. 69–91.

³ Бычков В. В. Византийская эстетика. Теоретические проблемы. М., 1977.

необозримое море основных текстов культуры (богословских, философских, литературных) с точки зрения выявления в них следов эстетического сознания. И проанализировать желательно не только вербальные тексты, но и основные характеристики и парадигмы культуры, прежде всего художественной культуры, т. е. искусства, где это сознание выразило себя с наибольшей полнотой и адекватностью. Для того чтобы выполнить эту работу, которую нельзя даже и назвать работой, но скорее — духовным служением, необходимо обладать особым призванием и даром — высоким даром ощущения эстетической материи. И Бычков, конечно, в полной мере наделен подобным даром и явно призван для этого служения. Об этом свидетельствуют все его многочисленные труды, в которых анализ бесчисленных источников культуры от древнейших времен по начало XXI в. включительно наполнен высоким полетом аналитической мысли и почти поэтическим вдохновением. И результаты этого служения впечатляют.

Благодаря работам Быčkова сегодня мы можем с уверенностью сказать, что наряду с западноевропейской эстетикой последних двух тысячелетий, которой посвящено множество исследований XIX—XX в., написанных в том числе и отечественными авторами, в Европе существовала и во многом отличная от нее эстетика в странах византийско-южнославяно-русского ареала. В качестве главных системообразующих принципов этого эстетического пространства Бычков выявляет следующие: сильный акцент на метафизическом понимании красоты; всеобъемлющий символизм, имеющий ярко выраженный анагогический характер, т. е. интенцию к возвышенному; соборно-литургический тип эстетического сознания; его каноничность; обостренная духовность, повышенная художественность, софийность искусства, его теургизм.

Собственно *патристическая эстетика*⁴, как и сама христианская культура, в лоне которой она возникла, сформировалась на основе духовно-мировоззренческого синтеза двух мощных культурных традиций Древнего мира: ближневосточной (иудейско-ветхозаветной) и греко-римской, пришедших в тесное соприкосновение в период эллинизма. Анализу их основных эстетических характеристик, их постепенного сближения и своеобразного синтеза у Филона Александрийского и в ранней христианской культуре Бычков уделил немало внимания, прежде чем перешел к собственно эстетической проблематике ранних апологетов и первых отцов Церкви.

Апологеты (греческие и латинские богословы II—III в.), показывает Бычков, предприняли критический анализ многих сторон предшествующей культуры с позиций новой религиозной идеологии. Построение христианской культуры они начали фактически с создания своего рода несистематизированной критической культурологии, в рамках которой значительное место заняли проблемы, определяемые современной наукой как эстетические. Они заложили такие фундаментальные предпосылки новой художественно-эстетической культуры и нового эстетического сознания, как вера в Воплощение Логоса, христианское понимание человека в единстве его души и тела; концепция любви; идея творения мира из ничего; антиномизм на дискурсивном уровне мышления и осознание сверхразумного опыта в качестве его более высокой формы; концепция сотворения человека «по образу и подобию» Бога; глобальный символизм. Именно апологеты выдвинули многие из тех эстетических идей (касающихся понятий *образа, символа, аллегории, знака, их места в культуре; прекрасного, искусства*), которые затем более основательно будут разработаны их последователями по *aesthetica patrum* и, в частности, каппадокийскими богословами и Блаженным Августином, эстетике которого Бычков посвятил специальное исследование, до сих пор являющееся в науке наиболее полным и глубоким⁵.

⁴ Итог этих исследований подведен в монографиях: Бычков В. В. Эстетика поздней античности. II—III века. М., 1981; *Его же*. Эстетика Аврелия Августина. М., 1984; *Его же*. AESTHETICA PATRUM. Эстетика отцов Церкви: Апологеты. Блаженный Августин. М., 1995; Бычков В. В. Эстетика Отца Церкви. Белград, 2010.

⁵ Бычков В. В. Эстетика Аврелия Августина; *Его же*. AESTHETICA PATRUM. С. 292—530.

Большое внимание апологеты уделили вопросам *творчества* и отношения к художнику в новой культуре в связи с идеей творения мира из ничего. Бычков доказывает, что понимание мира как высшего художественного произведения, созданного Богом по законам меры, порядка и красоты, подняло на новую высоту и тему человеческого творчества, в частности художественного. Художника начинают отличать от ремесленника. По-новому понимается в этот период и прекрасное в мире и в искусстве. Природная *естественная красота*, и особенно красота человека, ценится многими апологетами значительно выше красоты искусства. Отсюда борьба с роскошью, косметикой, украшениями. Апологетам, показывает Бычков, принадлежит приоритет во введении в обиход христианской культуры такой важной категории, как *символический образ* в трех его главных модификациях: *подражательный* (миметический), *символично-аллегорический* и *знаковый*.

Византийская эстетика — одна из любимых тем Быčkova. Ею он начал заниматься в юности по благословию А. Ф. Лосева и продолжает эти штудии до сих пор, опубликовав уже много серьезных работ⁶. Нельзя сказать, что до Быčkova совсем не занимались византийской эстетикой. Он имеет здесь достаточно именитых предшественников. Небольшие главы по этой теме написали в своих исследованиях В. Н. Лазарев, А. Грабар, А. П. Каждан, К. Онаш, Вл. Татаркевич, и единственное монографическое исследование посвятил ей Дж. Мэтью⁷. Одновременно с Бычковым этой темой занимался и С. С. Аверинцев, опубликовавший свою книгу «Поэтика византийской литературы» в один год с монографией Быčkova. Однако Бычков шел своим путем, хотя и опирался на всех указанных авторов в каких-то моментах, и написал совершенно уникальное исследование, ни в чем не подражающее предшествующим работам. Понятно почему. Из всех ученых, занимавшихся византийской эстетикой, только Бычков был собственно профессиональным эстетиком, все остальные обращались к эстетике постольку, поскольку им нельзя было обойтись без нее в своих искусствоведческих, филологических или культурологических исследованиях (а обойтись без нее нельзя), а опереться было не на что. Теперь такая опора, и очень фундаментальная, существует.

В отличие от Мэтью, который традиционно определял византийскую эстетику как «византийское постижение красоты посредством чувственного восприятия», Бычков, опираясь на свои теоретические представления об эстетике и на собственную методологию историко-эстетического исследования, которые будут письменно зафиксированы им значительно позже, показал, что центральными в византийской эстетике были отнюдь не антикизирующие аспекты прекраснoцентристской эстетики, но совсем другие уровни эстетического опыта. И он подробно разработал их все, опираясь на огромный багаж вербальных источников, на византийское искусство, на богатейший церковно-литургический и аскетический опыт византийцев. Не обошел он вниманием и развитое антикизирующее направление в византийской эстетике. В целом нам открылась яркая картина богатейшей эстетики, практически во всем отличной от современной ей западноевропейской. Бычков выделил в ней несколько направлений, чего не было ни у одного из предшествующих авторов, писавших на эту тему. Главным среди них, несомненно, является византийская *патристическая* эстетика как наиболее теоретизированная. На материале писаний отцов Церкви IV–IX в. было показано, что ее основными эстетически значимыми категориями были *образ, символ, знак, имя, искусство, прекрасное и его модификации свет и цвет*. Особое внимание уделено исследованию образно-символической эстетики автора «Ареопагитик»

⁶ Бычков В. В. Византийская эстетика. Теоретические проблемы. М., 1977; Бычков В. В. Византијска естетика. Теоријски проблеми / Перев. Димитрије М. Калезич. Београд, 1991; Бычков В. В. Малаја историја византијске естетике. Киев, 1991; Бычков В. В. Кратка историја византијске естетике. Београд, 2012. Первая книга Быčkova сразу была признана международной общественностью, опубликована в Италии, Болгарии, Югославии, Греции, Румынии.

⁷ Mathew G. Byzantine Aesthetics. London, 1963.

и теории иконы, подробно и всесторонне разработанной в период иконоборческой полемики. Именно в это время была детально прописана *теория образа* (иконы) в изобразительном искусстве, а в ее русле затронут и ряд других проблем искусства. Иоанн Дамаскин, Феодор Студит, патриарх Никифор, отцы VII Вселенского собора разработали целый ряд главных функций иконы⁸, которые стали основой всей православной эстетики. В частности, она была осмыслена как изображение идеального доступного визуализации облика («внутреннего эйдоса» в плотиновской терминологии) архетипа. Ко второй половине IX в. завершается процесс активного формирования этого направления, ставшего своего рода нормой для византийской и шире всей православной культуры (включая и русскую религиозную эстетику).

Второе направление было обозначено Бычковым как *эстетика аскетизма*. Это интерьерная имплицитная ригористическая эстетика, сложившаяся в среде византийского монашества на основе «эстетики отрицания» ранних христиан и оказавшая влияние на развитие многих сторон византийской и древнерусской культуры и церковного искусства. Полный отказ от чувственных наслаждений в пользу духовных, идеал нестяжательной (нищенской) жизни, система особых духовно-психофизических упражнений в сочетании с молитвой («умного делания»), приводящих к созерцанию разнообразных видений светового характера, прежде всего, и к состоянию высшего духовного наслаждения, — основные темы этой эстетики, имеющей эстетический объект, как правило, во внутреннем мире самого эстетического субъекта. Эстетика аскетизма имела ярко выраженную этическую ориентацию, с одной стороны, и мистическую — с другой.

Литургическая эстетика — еще одно направление в византийской эстетике, ориентированное в первую очередь на осмысление культового церковного действия (богослужения) как мистической целостности, объединяющей верующих с Богом и с духовными чинами в процессе богослужения. При этом существенное внимание уделялось разработке и осмыслению *символики* богослужения, включая и все художественные элементы церковных искусств. В этом контексте символ, или литургический образ, осмысливался поздними отцами Церкви (особенно последовательно архиепископом Солунским Симеоном — XV в.) как «реальный» носитель божественной энергии. Он был осознан не только как семиотическая единица, но и как сакрально-онтологический феномен, *реально «являющийся»* членам богослужения духовный архетип.

Вслед за византийской настала очередь и *древнерусской эстетики*⁹, на систематическое изучение которой Бычкова настоятельно ориентировал Д. С. Лихачев, высоко оценивший его исследования по византийской эстетике. Источниками древнерусской эстетики наряду с византийской Бычков считает дохристианский эстетический опыт древних русичей и южнославянскую эстетику, которым он тоже уделил специальное внимание. Бычкову удалось показать как преемственность древнерусской эстетики от византийской, так и многие ее самобытные черты. Из его работ следует, что для зрелого русского Средневековья (XIV—XV в.) характерны: особое внимание к чувственно воспринимаемым реализациям духовной красоты; наделение прекрасного осязательной предметностью (вещностью); осмысление красоты как выражения истинного и сущностного; особая чуткость к красоте искусной деятельности; повышенная эмоциональность и мажорность; восприятие света (видимого, прежде всего) в качестве важной модификации прекрасного. В искусствах (архитектуре, живописи, прикладных) ценится их искусная сделанность, величие, красочность, светоносность, яркость, наличие драгоценных материалов. Храм воспринимается, в первую очередь, как огромное роскошное произведение ювелирного искусства. На смену сакральному восприятию природы восточными

⁸ Наиболее полно эта тема разработана в книге: Бычков В. В. Феномен иконы: История. Богословие. Эстетика. Искусство. М., 2008.

⁹ Результаты этих исследований подведены в монографиях: Бычков В. В. Русская средневековая эстетика. XI—XVII века. М., 1992; *Его же*. Древнерусская эстетика. СПб., 2011 (2-е изд. — 2012 г.).

славянами приходит понимание ее как прекрасного произведения высшего Художника. В ней усматривается теперь прекрасный порядок — «строй», радующий душу человека. В качестве основных характеристик природной красоты выступают величина, высота, округлость, «искусная сделанность», особая выделенность в пространстве. В эстетическом сознании русичей видное место занимает нравственная красота.

Бычков выявил, что для эстетического сознания средневековых русичей характерен ряд принципов, которые нашли свое воплощение в искусстве того времени, но были тогда лишь частично осмыслены. На уровень вербального оформления они вышли значительно позже — в *русской религиозной эстетике XIX–XX в.* Речь идет о таких принципах, как *соборность* эстетического сознания, *софийность* искусства и творческой деятельности в целом, *системность* (или своеобразный синтетизм) церковного искусства, его повышенный художественный *символизм*, высокая духовность, каноничность и некоторые другие, в комплексе составляющие самобытность православного эстетического сознания и особенно русского средневекового искусства.

Последний период православной эстетики, реализовавшийся в основном в русской религиозно и духовно ориентированной эстетике XIX–XX в., Бычков обозначил как *теургическую эстетику*¹⁰. Понятие «теургическая эстетика» введено им, как поясняет сам автор, для обозначения практически еще не исследованного мощного направления в русской имплицитной эстетике конца XIX — первой половины XX в., по-своему возродившего и продолжившего традиции византийско-русской средневековой эстетики. Само понятие «теургии» активно разрабатывалось многими религиозными мыслителями неохристианской ориентации, начиная с Владимира Соловьева, и русскими символистами XX в. Оно было осмыслено ими как особый метод творчества в искусстве и *созидания самой жизни* по эстетическим законам при активном сотворчестве художника и божественной энергии. Понималось как своеобразное продолжение и завершение человеком не завершенного Богом творения мира. Теургическая эстетика внутренне одухотворяла практически все художественные искания Серебряного века русской культуры.

Русская теургическая эстетика наметила один из путей развития культуры и искусства, альтернативный глобализаторским тенденциям современной *пост-культуры*. Употребив этот термин В. В. Быčkova, мы подошли к его собственной эстетической теории, которой посвящен ряд научных статей и большая монография «Эстетическая аура бытия»¹¹. В ней, как и в ряде более поздних работ¹², Бычков на основе фундаментально проанализированной истории эстетической мысли (уже западноевропейской) последних трех столетий разработал теорию современной эстетики, которую обозначил как «постнеклассическая эстетика». На сегодня она состоит из трех взаимоотрицающих и одновременно взаимостимулирующих, взаимодополняющих стратегических разделов: 1. *Классическая эстетика* — современное понимание классической эстетической теории, как она сложилась к началу XX в., с системой ее традиционных, по-новому увиденных категорий; 2. *Нонклассика*, или неклассическая эстетика, — имплицитная эстетика XX в., реконструируемая на основе авангардно-модернистского и постмодернистского искусства XX в. и соответствующих теоретических дискурсов; 3. *Эстетическая виртуалистика* — нарождающаяся теория виртуального эстетического опыта, складывающегося сегодня в сети Интернет.

Здесь мы подходим к одной из наиболее серьезных научных гипотез Быčkova, выходящей отчасти уже за рамки собственно эстетики в общую культурологию, но возникшей именно внутри

¹⁰ См.: Бычков В. В. Русская теургическая эстетика. М., 2007.

¹¹ Бычков В. В. Эстетическая аура бытия: Современная эстетика как наука и философия искусства. М., 2010. С. 399–732.

¹² Бычков В. В., Маньковская Н. Б., Иванов В. В. Триалог: Живая эстетика и современная философия искусства. М., 2012.

его философии искусства на основе изучения всех художественных направлений XX в. в поисках некой общей для них метафизической идеи. Это концепция «Культура — *пост*-культура». Согласно данной гипотезе, Культура (с прописной буквы) составляла основу и духовный центр всей культуры (со строчной буквы) человечества с древнейших времен примерно до середины XX в. Сейчас мы уже давно живем в состоянии переходного (неизвестно к чему) периода *пост*-культуры.

Высокая Культура (а внутри нее и все классическое искусство с древнейших времен) — это культура, возникшая и всегда существовавшая в человеческом обществе, жившем в *пространстве веры* в объективное бытие Великого Другого, более разумной и высокой, чем человек, объективно существующей духовной силы (богов, духов, Бога, Абсолюта), состоящей с ним в постоянном духовном контакте. Она всегда опиралась на два главных своих столпа — Искусство и Религию. Начавшийся примерно в XVI в. в европейско-средиземноморском ареале процесс секуляризации культуры и взрывоподобный скачок НТП в последние столетия привели к тому, что к середине XX в. креативно-активная, творческая часть человечества, его главный двигатель, отказалась от веры в Великое Другое и Культура прекратила свое креативно-активное бытие. *Пост*-культура — это некий симулякр Культуры, техногенная цивилизация, отказавшаяся от духовного центра культуры — собственно Культуры, но, как правило, симулирующая свою принадлежность к ней. Это особенно очевидно в сфере искусства.

Вот об этом апокалиптическом процессе и «кричит», согласно гипотезе Бычкова, практически все актуальное арт-производство второй половины XX — начала XXI в. В этом глобальном крике-предупреждении искусства всех направлений XX в., практически отказавшегося от главного признака искусства — *художественности*, Бычков и видит общий метафизический смысл происходящего¹³.

Это основные, глобальные теоретические блоки, концепции, гипотезы, которые ввел и разработал более чем за сорок лет своего служения эстетике В. В. Бычков, но список его достижений в этой сфере может быть существенно расширен. И все его научные концепты, гипотезы, определения не оставляют равнодушными специалистов-эстетиков. Многие из них носят столь радикальный и новаторский характер, что с ним всегда хочется вступить в профессиональный разговор или дискуссию, а некоторые, вроде его апокалиптических прозрений относительно конца Культуры, просто страшится принять душа человека культуры. Можно, однако, сколько угодно полемизировать с Бычковым по тому или иному разделу его теории или конкретному определению. Дискутировать всегда проще, чем самому создать продуманную во всех отношениях теорию или написать историю огромной неизведанной еще области духовной культуры. На сегодня можно констатировать одно: другой столь развернутой и по всем основным проблемам эстетики и философии искусства продуманной, целостной и в определенной мере законченной эстетической теории не существует ни в нашем отечестве, ни за рубежом. Другой истории православной эстетики за 2000 лет ее существования никто, кроме Бычкова, пока не написал. И уже этим отечественная наука может гордиться, поздравляя юбиляра с его 70-летием и желая ему доброго здоровья и духовной крепости для дальнейшей плодотворной работы.

¹³ См. подробнее: Бычков В. В. Художественный Апокалипсис Культуры: Строматы XX века. М., 2008. Кн. 1, 2.